

Л. ФИШЕР*

Жизнь Ленина

<Фрагмент>

К читателям

Ленин был человеком особого рода — помимо большой роли, сыгранной им в истории, он наложил глубокий отпечаток на раз-

* *Луис Фишер* (1896–1970) — американский журналист, публицист, биограф Ганди («Жизнь Махатмы Ганди», 1950) и Ленина (в 1965 получил Национальную книжную премию (National Book Award) за книгу «Жизнь Ленина», 1964). В последние годы жизни Фишер состоял в фактическом браке со Светланой Аллилуевой.

витие не только России и Восточной Европы, но также и других частей земного шара.

Лениным было написано очень много и очень много было написано о нем. В опубликованных работах, статьях, заметках и письмах Ленина и дневниках его сотрудников вырисовываются его политический профиль и весь ход революционного движения до 1917 года и становление Советской России по 1924 год.

В предлагаемой книге я пытался дать образ как самого Ленина, так и людей, с которыми он работал, и показать их взаимоотношения с подвластным населением России, в которой я прожил 14 лет.

Я надеюсь, что русский перевод моего труда, первоначально опубликованного по-английски, явится известным вкладом в дело объективного и тщательного изучения жизни Ленина и его места в истории в перспективе 100-летней годовщины со дня рождения основателя советского государства.

Луис Фишер

17. Ленин строит государство

Ленин выигрывал сторонников среди широких слоев населения и в то же время строил советское государство — ружьем и лопатой каменщика, кнутом и пером. 1 января 1918 г. он назначил грузина Сергея Орджоникидзе «Чрезвычайным комиссаром Района Украины». 5 января написал послание солдатскому съезду о необходимости создания Красной Армии. 14 января принял дипломатический корпус. В тот же день после полудня председательствовал на заседании

Совнаркома и выступал на проводах первых эшелонов «социалистической армии» на фронт. По возвращении с собрания, подвергается нападению: в его автомобиль стреляют, но он остается невредим. На этой же неделе он подготавливает политическую почву для разгона Учредительного собрания и пишет декрет «О роспуске Учредительного собрания». По прямому проводу он разговаривает с Троцким, ведущим переговоры в Бресте. 26 января он телеграфирует Орджоникидзе: «Между Орлом и Курском образовался затор, мешающий движению поездов с углем и хлебом. Всякая остановка грозит голодом и остановкой промышленности. Подозреваем саботаж железнодорожников на этом месте... Настоятельно просим принять самые беспощадные революционные меры. Просим послать отряд абсолютно надежных людей... Сажайте на паровозы по несколько матросов или красногвардейцев. Помните, что от вас зависит спасти Питер от голода. Ленин».

Четыре дня спустя Ленин телеграфирует в Харьков нарком Антонову-Овсеенко: «Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь... относительно земельного вопроса на Дону советую иметь в виду текст принятой позавчера на съезде Советов резолюции о федерации Советских республик». Ленин намекал на то, что, если казаки станут на сторону Советов, им будет предоставлена автономия и право проводить земельную реформу по-своему.

В феврале Ленин продолжает жонглировать этими шарами и подбрасывать в воздух новые. Он советует наркомвоенмору Н. И. Подвойскому проследить за тем, чтобы посылаемые по железной дороге бумажные деньги шли по назначению... Разрешает заместителям наркомов присутствовать на заседаниях Совнаркома и голосовать вместо наркомов, если у них есть соответствующее назначение... Телеграмма главнокомандующему М. А. Муравьеву в Киеве от 14 февраля 1918 г.: «Если не будет иного распоряжения от Антонова, действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте по соглашению с Раковским и его комиссией». Ленин стремился предотвратить отдачу несогласованных приказов и ее последствия — соперничество и зависть. Муравьев пытался защитить Бессарабию от румын. Это ему не удалось. К тому же германские войска вскоре заняли Украину, свергли тамошние Советы и прогнали красные отряды. Антонов расположил свои войска на юго-востоке. 23 февраля Ленин телеграфировал Антонову: «Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов». После декларации Троцкого «Ни мира, ни войны» германские войска продвинулись и в Западную Россию. В ответ на запрос председателя совета города Дрисса о том, как поступать в случае приближения немцев к городу, Ленин послал следующую телеграмму: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути — две версты на каждые десять. Взрывайте мосты». Между сессиями Совнаркома текущими делами должен был ведать исполнительный комитет. Его членами Ленин назначил Троцкого, Сталина, самого себя и левых эсеров Карелина и Прошьяна.

В течение того же месяца Ленин вел напряженную борьбу против левых коммунистов и левых эсеров, за заключение мира в Бресте. Казалось бы, что Ленин должен быть целиком загружен партийными конференциями, советскими конференциями, спорами с оппозицией, журналистской деятельностью в «Правде», чтением отчетов о Брестских переговорах и составлением инструкций Троцкому. Но он находит время делать выписки из «Истории Западной Европы» Н. Кареева и «Истории войн На-

полеона Первого с Германией» в поддержку своего утверждения, что история не оканчивается подписанием мира «под штыками» завоевателей. Каждому завоевателю приходит конец. Об этом он убедительно говорит 20 февраля, выступая перед латышскими стрелками, составлявшими тогда ядро советских вооруженных сил, в связи с заявлением латышских стрелков о том, что они против мира и будут вести партизанскую войну. Они знали, что их Латвия будет жертвой мирного договора.

Антонов взял Ростов. 28 февраля Ленин телеграфировал ему: «Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. Помня о том, такую важную роль играют казаки в стратегии белых генералов, Ленин опять — он любит повторять — наказывает Антонову: пусть съезд Советов всей Донской области «сам выработает свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской области ничего не имею».

VII съезд партии заседал 6, 7 и 8 марта. Ленин выступал каждый день и составил большую часть резолюций. Он поставил перед собой две задачи: принятие мирного договора и новой партийной программы. Большевики придавали программе огромную важность. Программа партии была теоретической основой ее деятельности в настоящем и будущем. Захват власти в России изменил роль партии. Поэтому Ленин предложил новую программу и новое название. Название «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия» больше его не удовлетворяло. Социал-демократия была скомпрометирована в глазах трудящихся своим поведением во время войны, утверждал Ленин. Кроме того, как Ленин указывал еще в «Государстве и революции», поскольку каждое государство основано на насилии, демократического государства не может быть, а следовательно, и демократии. Поэтому Ленин предложил переменить название партии, назвав ее «Российской Коммунистической Партией (большевиков)». Новое название было утверждено большинством голосов.

Но когда левые коммунисты во главе с Бухариным потребовали, чтобы в новой программе давалась характеристика социализма или коммунизма, Ленин ответил, что время для этого еще не пришло, «...нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится». Если программа заглянет слишком далеко в будущее, западные пролетарии «будут подозревать, что наша программа — это только фантазия. Программа есть характеристика того, что мы начали делать, и следующие шаги, какие хотим сделать. Дать характеристику социализма мы не в состоянии...»

Поэтому Ленин предложил только два дополнения к старой программе: во-первых, характеристику империализма, как он проявился у всех участников Мировой войны (здесь Ленин ссылается на свою книгу «Империализм»), во-вторых, подкрепленное вескими доказательствами утверждение, что Советы являются новой формой правительства, новым типом государства. По этому поводу у Бухарина тоже были поправки. Он хотел, чтобы Ленин описал социализм как общество без государства. Ленин отказался: «Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать — дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства — ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип — от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого еще далеко, и сказать это — значит ничего не сказать, кроме того, что сказать, что почва слаба под ногами».

«Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы», — предупреждал Ленин. Тем не менее, он сослался на свою книгу «Государство и революция», где заранее говорилось, что государство начнет отмирать немедленно после захвата власти пролетариатом. Власть в России была захвачена ровно за 4 месяца до съезда. Отмирания государства не замечалось. Из-за этого несоответствия между дореволюционной фантазией и послереволюционными фактами Ленин запутался в противоречиях. «Государство есть аппарат для подавления, — сказал Ленин съезду. — Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса...» Однако именно Ленин, а не массы отдали приказ ЧК арестовать правление уральских заводов и конфисковать их имущество. Именно Совнарком, под руководством Ленина, угрожал капиталистам принудительными работами; армия и полиция, а не массы приводили эту угрозу в исполнение. Ленин ставил неисполнимую задачу: создание охватывающего всю страну «общественного счетоводства, учета и контроля, проведенного самим населением, лежащего в основе дальнейших шагов социализма». Это требование было в согласии с его трактатом о государстве, но не имело никакой связи с тогдашней (или теперешней) советской практикой. Тем не менее, Ленин пишет, что «Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи...» А в «Государстве и революции» Ленин утверждал, что демократического государства не может быть. Эта «демократическая диктатура» провела «закон о социализации земли, но «мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства».

Капиталистические хозяйства на социалистической почве. Очевидно сознавая противоречивость своих доводов, Ленин сказал в заключение: «Может быть, мы делаем ошибки, но мы надеемся, что пролетариат Запада их исправит. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе».

От Тома Пэйна до Прудона (1809–1865), от Бакунина до Карла Маркса, Энгельса и Ленина, — всех революционеров отличала ненависть к государству. Боялись государства и либеральные реформисты, утверждая, что государство управляет тем лучше, чем меньше оно управляет. Ибо чем больше власти принадлежит государству, тем больше оно угнетает слабых и служит сильным. Там, где это особенно заметно, в России и в Испании, у анархистов, сторонников безгосударственного равенства и личной свободы, нашлось особенно много сторонников. Марксизм родился с этой анархической чертой. Но Маркс не заметил, что пороки британского капитализма вытекали из политической системы, в которой правительству принадлежало меньше всего власти. Если бы он остался жив, он увидел бы увеличение правительственной власти, принесшее пользу низшим классам. Ни Маркс, ни Ленин не могли себе представить государства, которое было бы орудием общества, а не одного класса. Чтобы уничтожить классовое государство, Ленин собирался уничтожить классы. Вместо этого он занял исключительное место в истории как архитектор одноклассового государства, ставшего угнетателем всех классов. Сторонник крайних мер в стране крайностей — климатических, имущественных, культурных и государственно-политических, — Ленин ненавидел экстремистское государство. Но именно такое государство он создал.

VII съезд исполнил требования Ленина. Мирный договор был одобрен, в новую программу партии вошли идеи его последних книг — «Империализма» и «Государства и революции». Он продолжал борьбу за мирный договор, против бюрократической «дезорганизации» и экономического банкротства. 28 марта 1918 г. он продиктовал набросок статьи об очередных задачах Советской власти, в которой подчеркивал необходимость практичности и повышения производительности труда. Для этого требовалось привлечь на службу государства «руководителей-специалистов, хотя бы из буржуазной интеллигенции». Это не означало отхода от принципов социализма, утверждал Ленин. Наоборот, буржуазные специалисты могли помочь революции. Между тем, финансовое положение становилось катастрофическим. Был представлен план восстановления платежеспособности. По поводу этого плана Ленин 18 апреля заметил: «...даже самый лучший план в настоя-

щее время в области финансовой... — сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план... Советы, которые являются властью на местах, в настоящее время не связаны между собою... они оторваны от центральной власти...» У советов нет власти, чтобы исправить свое финансовое положение, «фактически власть находится в руках отдельных групп, которые часто враждуют с Советами, не подчиняются Советам и в распоряжении которых к несчастью находится определенная штыковая сила». Эти группы сами проводят налоговое обложение. Государство разлагалось, отмирало. Ленин жаловался.

В марте и апреле 1918 г. Ленин пытается спасти Россию от полного хаоса. Он делает заметки: «повышение производительности»; «учиться социализму у крупнейших организаторов капитализма, у трестов»; «6 час. физической работы + 4 час. управления государством» (верный путь к полной неразберихе). «Тейлоровская система. Изучение движения», — пишет он по-английски, имея в виду систему экономии труда, выработанную Ф. У. Тейлором и подвергшуюся жестоким нападкам со стороны коммунистов и пр. «Сила примера (образцовой общины)»; «единоличное распоряжение» на предприятиях; «черпать обеими руками из-за границы»; «сдельная плата по итогам»; «не воруй, не лодырничай»; «Советская власть плюс прусский порядок железных дорог плюс американская техника и организация трестов плюс американское народное образование etc., etc., = сумма = социализм».

23 апреля он пишет записку А. И. Рыкову, в то время — наркому по внутренним делам, настаивая на замене старых бумажных денег новыми. «Гуковский» — замнаркома финансов — «упирается, а по-моему надо это двинуть. Ваше мнение?»

В апрельской записке наркомпроду А. Д. Цюрупе указывается на «катастрофическое положение продовольствия в Московской губернии». Крестьян тоже надо было кормить, «иначе съедят все семена и не вспашут. Что можно сделать? Что сделали?» 22 мая 1918 г. Совнарком принял предложение Ленина об отправке водой из Царицына в Баку 10000 пудов хлеба в распоряжение Бакинского совета в обмен на нефть. В мае Ленин пишет наркому юстиции Д. И. Курскому; «Необходимо тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. и т. п.) должны биты НЕ НИЖЕ десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ».

Это только малая часть тех вопросов, которые тяготели над Лениным в первой половине 1918 г. Он думает и о будущем (планируя

снабжение Москвы и Петрограда электричеством). Перед ним ставят принципиальные вопросы и вопросы о персонале. Левые коммунисты, например, считали, что управление национализированными предприятиями должно перейти в руки рабочих. На I Всероссийском съезде Совета народного хозяйства (СНХ) в мае — июне 1918 г. В. В. Оболенский (Н. Осинский) и В. М. Смирнов предложили децентрализовать систему управления промышленностью. Во время заседания Совнаркома Ленин передал Рыкову записку: Вейнберг из ВСНХ звонил ему, что «левые наговорили глупостей об управлении предприятиями». «Что произошло? — спрашивал Ленин. — И как быть?»

Рыков ответил: «Смирнов и Оболенский буквально выдумывают “умные глупости”. На пленуме они потерпели поражение. В комиссии об управлении принята середина: правление составляется из $\frac{1}{3}$ от рабочих завода, $\frac{1}{3}$ от проф. союза и $\frac{1}{3}$ от технических сил. Сверх того, высшим органам управления дано право вводить представителя с правом приостанавливать решение».

Ленин остался недоволен. Он изложил свои взгляды 2 июня 1918 г.: «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране... Отнять право у Всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархосиндикализмом, а не коммунизмом».

Левые, однако, пользовались довольно широкой поддержкой. Сейчас же после большевистской революции в управлении предприятиями преобладал децентрализованный синдикализм. Рабочие и профсоюзы управляли предприятиями, включая железнодорожный и речной транспорт. Они отменяли государство. По Ленину, это не было коммунизмом. Он постепенно отменил рабочее и профсоюзное управление промышленностью. Власть перешла к центральному правительству. Это называлось «военным коммунизмом».

Казалось, Ленин метался во все стороны. Но у него был свой метод. Он сознательно строил государство на административном пастыре, и строил его из обломков капитализма, вместо новых социалистических кирпичей. Он был занят не только неотложными вопросами (армия, мирный договор, продовольствие, управление и т. д.), но и делами, которые служат украшению общества. Еще в ноябре 1917 г. он составил меморандум о задачах публичной библиотеки Петрограда, которую, по его мнению, следовало преобразовать, исходя «из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных

Штатах Северной Америки». Он приказал ввести даровой обмен книгами с русскими и заграничными библиотеками. «Читальный зал библиотеки (Публичной, бывшей Императорской) должен быть открыт, как делается в культурных странах в *частных* библиотеках и читальнях для *богатых* людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера». 25 мая 1918 г. он составил проект об учреждении «Социалистической Академии общественных наук» с издательством «марксистского направления». На заседании Совнаркома 12 июля 1918 г. Ленин передал наркомпросу Луначарскому записку, спрашивая, говорил ли тот с Виноградовым, секретарем комиссии по снятию «царских» памятников. Луначарский ответил: «Еще не говорил». Ленин отправил назад тот же клочок бумаги с новым вопросом: «Когда Вы едете (в Петроград)? День и час?»

Луначарский: «Завтра в 12 ночи».

Ленин: «Можете ли созвониться с Виноградовым и назначить ему свидание завтра?»

Луначарский: «Конечно».

Ленин: «Имеете его №?»

Луначарский ответил, что узнает. Тогда Ленин послал записку секретарю: «Виноградову позвоните от моего имени: почему он не сговорился с Луначарским? Луначарский здесь».

Ленину очень хотелось снять «монархические» памятники и расписать здания Москвы и Петрограда соответствующими надписями (вроде «Религия — опиум для народа»). «Удивлен и возмущен», — пишет он Луначарскому, что это еще не сделано. В августе 1918 г. он поручил Наркомпросу увеличить число студентов, принимаемых в высшие учебные заведения, «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства». В сентябре 1918 г. он объявил выговор Луначарскому: «Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями ничего не сделано... требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и рогозьям». 19 ноября Ленин составил проект постановления СНК о детских домах. Когда на заседании Совнаркома один из ответственных работников выступил с заявлением, что Большой и Малый театры не нужны рабочему государству, так как они только тратят топливо и ставят все те же старые буржуазные оперы вроде «Травиаты», «Кармен» и «Евгения Онегина», Ленин возразил, сказав, что докладчик «имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра». Театры были спасены.

В своих распоряжениях о новой системе законов, судопроизводства и тюрем Ленин был склонен к суровым мерам. Он предложил

исключить из партии тех судей, которые (2 мая 1918 г.) приговорили группу взяточников к 6 месяцам тюрьмы вместо расстрела, «ибо им место рядом с Керенскими или Мартовыми, а не рядом с революционерами-коммунистами». При обсуждении функций ЧК он предложил «карать расстрелом за ложные доносы». (Ложные доносы на бытовой или личной почве стали широко распространенным общественным явлением в Советском Союзе.) Были, однако, и такие случаи, когда Ленин выступал в защиту несправедливо обвиненных, арестованных и приговоренных. Телефонограмма Дзержинскому или его заместителю Петерсу от 2 ноября 1918 г. гласит: «Есть ли серьезные обвинения против арестованного вами профессора Зернова? Горбунов и Красин просят освободить». Анатом Д. Н. Зернов был профессором Московского университета. Тамбовскому уисполкому Ленин 25 октября 1918 г. телеграфировал: «Больную Азанчевскую, живущую в номерах Михайлова, выселять нельзя. Прошу принять ее на попечение Красного Креста. Телеграфируйте ответ». В начале ноября 1918 г. ЧК арестовала зубного врача К. С. Гинзбурга по подозрению в связях с кадетской партией. Два коммуниста предложили взять его на поруки. Ленин запросил у ЧК сведений. Позже он послал в ЧК телефонограмму: «Сведения эти я затребовал к вечеру 11 ноября. До сих пор, 10½ часов, ответа не имею. Повторяю еще раз свое требование». Члены ЧК утверждали, будто не могут найти Гинзбурга, хотя Ленин настаивал, что он содержится в Бутырках. После телефонограммы Ленина, они быстро нашли и выпустили зубного врача. Позже Ленин добился освобождения Пальчинского, известного русского инженера, служившего в правительстве Керенского. (В 1930 г. Пальчинский был расстрелян в связи с шахтинским процессом.)

В то же время Ленин занимается делами общественного страхования, Красного Креста, государственных сооружений, всеобщей переписи, созданием домов отдыха для раненых солдат на юге, поправками к конституции («По мере установления в других странах социалистической советской власти РСФСР входит с ними в единый Союз Социалистических Федеративных Советских Республик» и т. д.), ценой на картофель, оборудованием бактериологической лаборатории, тишиной на заседаниях Совнаркома (записка секретарю: «Во время заседания не разговаривать, а только записками обмениваться»), переводом «Государства и революции» на финский язык, подбором книг, брошюр, газет и других материалов для своей библиотеки в Смольном (он просит Иоффе регулярно присылать ему газетную сводку из-за границы).

Ленин и большевики обзаводились постоянной мебелью. Белье и другие противники большевизма вели себя, как временные

жильцы. Они набирали солдат, конфисковали зерно, распределяли министерские портфели и печатали бумажные деньги. Их целью была Москва. Там они надеялись создать государство. Трудно было образовать национальное правительство в Таганроге, Иркутске, Новочеркасске, Омске или Архангельске. Победа красных над бесчисленными врагами в гражданской войне 1917–1921 гг. была в немалой степени обусловлена тем, что в их руках была столица России, даже обе столицы — Москва и Петроград. Но это преимущество осталось бы без применения, если бы Ленин не использовало его в целях создания советского государства. Революция происходит тогда, когда старая администрация разваливается. Советская революция победила в ноябре 1917 г. потому, что Временное правительство было обескровлено ленинской стратегией «двоевластия», т. е. раздела власти между правительством и советами. Точно так же годы гражданской войны и административной анархии, к которой она привела, сделали Мао Дзэдуна властителем Китая. С другой стороны, функционирующая администрация, государство, как шатко бы оно ни было, служит подспорьем действующей армии, укрепляет ее и ведет к победе в гражданской войне. Вспоминается одно исключение: гражданская война в Испании в 1936–1939 гг. Там анархисты, коммунисты и та доля анархизма, которая заложена в каждом испанце, ослабили правительственную администрацию, что привело к победе более сильной армии, пользовавшейся иностранной поддержкой. Если бы Ленин придерживался заветов своего полуанархического труда «Государство и революция», его режим постигла бы та же судьба. Но, придя к власти, он перестал руководствоваться книгами.

23. Ленин и Горький

Когда советское правительство переехало из Петрограда, Ленин поселился в московской гостинице «Националь» на углу Моховой (ныне Карла Маркса) и Тверской (ныне Горького). Позже он и Крупская заняли квартиру из пяти маленьких комнат в Кремле. Гость, пришедший как-то к Крупской и оставшийся к чаю, вспоминал позже, что на все семейство Лениных было две чайных ложки, передававшихся из рук в руки. К чаю подали черный хлеб и масло. Был голодный 1919 год.

Крестьяне — ходоки к Ленину заметили, что в кабинете у него холодно и прислали воз дров.

Ленин ненавидел лишние затраты. Он настаивал, чтобы служащие пользовались телефоном и экономили бумагу. Журналистам: он советовал писать покороче: «Правда», ежедневная газета пар-

тии, выходила одним листом, на коричневой оберточной бумаге. Времени Ленин тоже не любил тратить. Заседания ЦК партии назначались на 10 часов утра. Он открывал их ровно в четверть одиннадцатого. Выступающим давалось две минуты, Ленин следил по часам. Е. Д. Стасова, секретарь ЦК рассказывает, что Ленин не допускал растрачивания казенного имущества. Когда А. Д. Цюрупа, ответственный большевик, запустил свое здоровье, Ленин сделал ему предупреждение «за неосторожное отношении к казенному имуществу», к которому, как он говорил, относятся и члены партии. Крупская и сестра Ленина Мария Ильинична жаловались Стасовой, что Ленин плохо спит. Стасова провела в ЦК постановление об отпуске Ленина и сообщила об этом Ленину по телефону. В ответ Ленин сказал «очень сердитым голосом:

— Когда прикажете приступить к отпуску?»

Получив отпуск, Ленин ходил на охоту, собирал грибы и ловил рыбу в окрестностях Москвы.

Летом 1918 года Ленин иногда проводил выходные дни в деревне Тарасовке под Москвой. Он пытался быть один, но безуспешно, так как на даче жило несколько семейств. Кроме того, как пишет его сестра Мария, на окнах не было сеток, и Ленин страдал от комаров. Один раз, безуспешно стараясь заснуть ночью, «Владимир Ильич сбежал с дачи на рассвете в город». Домашняя работница Лениных, А. М. Сысоева, рассказывает: «Бывало, если (Ленин) увидит, что хлеб на столе не покрыт и на него садятся мухи, он всегда обращал на это внимание и напоминал, что от мух непременно надо все закрывать». Летом 1919 года Ленин иногда приезжал отдыхать в Горки. Там он ходил в лес за грибами «и всегда возвращался очень довольным», как вспоминает его повариха, «в особенности, если корзинка была полна».

Позже у Ленина и Крупской служила в прислугах Олимпиада Никаноровна Журавлева, раньше работавшая на уральском заводе. «Ильич находил, что у ней силен пролетарский инстинкт, — вспоминала Крупская, — и сидючи на кухне (Ильич по старой привычке любил обедать, ужинать, пить чай на кухне), любил потолковать с Олимпиадой Никаноровной о грядущих победах».

Здоровье Крупской после сделанной в Берне операции все ухудшалось. В начале 1919 года управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич посоветовал Ленину отправить Крупскую из Москвы на длительный отдых.

— Длительный отдых!.. Пойдите уговорите ее. Она и слышать не хочет... — воскликнул Ленин.

— Уговорить ее можете только вы один, — возразил Бонч. — И надо это сделать!..

Зная, что Крупская была активна в области народного образования, Бонч советовал «перевести ее в одну из лесных школ в Сокольниках. Ленину это предложение понравилось, и он послал Бонча в Сокольники «на разведку»: «Никому ничего не говорите, зачем приехали. Запомните получше дорогу... А я попробую предварительно поговорить с Надей».

Бонч нашел, что в Сокольниках Крупской будет удобно. «Надя склоняется поехать, — сказал ему Ленин. — Завтра утром я скажу вам окончательно», «...и он опять углубился в бесперывную, напряженную, крайне нервную работу, постоянно прерываемую телефонными сигналами: вспыхивали лампочки, жужжали “пчелы”, телефонные станции, находившиеся в соседней комнате, сигнализировали вызовы из Петрограда, Нижнего, Курска и других мест. Ровно, спокойно, не повышая голоса, давал Владимир Ильич сотни распоряжений, получал донесения, записывал важнейшее, составлял телеграммы, радиограммы, телефонограммы, посылал записочки и письма с курьерами на мотоциклах — и все так просто и внешне спокойно, как будто бы и работы никакой нет. Время от времени быстро подходил он к картам и делал отметки о положении на фронтах, согласно самым последним донесениям».

«...Наутро, лишь только я вошел к нему с очередным докладом, как он сказал мне: — Надя согласна... Укладывается... Берет с собой кучу работы, а сама еле говорит, еле дышит... Поправится ли?.. Сегодня к вечеру мы поедем, только не надо никому говорить, совершенно никому».

Все сошло благополучно: Крупская поселилась в Сокольниках, Ленин время от времени ее навещал. Однажды Ленин пригласил Бонча с собою на школьную елку — был январь 1919 года. Они купили в складчину конфеты и подарки; магазины в те дни были пусты. На елке веселились: с песнями водили хоровод и играли в кошки-мышки. «Владимир Ильич весь ушел в детский праздник... Смотрите, как увлекательно играет он, не пропуская кота, защищая мыш!» — сообщает тронутый Бонч.

Свежий воздух и отдых были полезны Крупской, и она осталась в Сокольниках. 19 января 1919 года, в воскресенье, Ленин снова поехал навестить ее. Шофер Ленина Степан Казимирович Гиль, которому тогда было 30 лет, вспоминает: «Зима была в том году вьюжная, Москву замело снегом... В нескольких саженях от Каланчевской площади мы вдруг услышали грозный крик: «Стой!» Кричал какой-то субъект в шинели. Я прибавил ходу... Когда стали подъезжать к Калининскому заводу, на середину дороги выскочило несколько человек с револьверами в руках. «Стой! Машину остановить!» — раздался крик. Я вижу, что по форме это

не патруль, и продолжаю ехать прямо на них. Неизвестные повторили свой окрик: «Стой! Будем стрелять!» Я хотел проскочить, но Владимир Ильич потребовал, чтобы я остановил машину...

— Выходите! Живо!

Владимир Ильич приоткрыл дверцу и спросил:

— В чем дело?

Один из нападавших крикнул:

— Выходите, не разговаривайте!

Бандит схватил Владимира Ильича за рукав и резко дернул к себе. Выйдя из машины, Ильич недоуменно повторил свой вопрос:

— В чем дело, товарищи? Кто вы? — и достал пропуск».

Мария Ильинична и их спутник тоже вышли из машины. Один из вооруженных людей обыскал карманы Ленина, отобрал документы и браунинг. Сестра Ленина возмущенно обратилась к ним: «Какое право вы имеете обыскивать? Ведь это же товарищ Ленин! Предъявите ваши мандаты!» «А нам никаких мандатов не надо, — ответили ей. — У нас на все право есть». Гиль, оставшийся за рулем, не посмел стрелять, чтобы в перестрелке не убили Ленина. Налетчики приказали Гилью тоже выйти из автомобиля. Он повиновался. Бандиты уселись в машину и укатили.

«— Да, ловко, — произнес Владимир Ильич, — вооруженные люди и отдали машину. Вот позор! — вспоминает Гиль. — Я понял, что Ильич метит в мой огород, и стал объяснять, что в ответ на мой выстрел бандиты открыли бы огонь... Владимир Ильич, подумав с минуту, ответил: — Да, товарищ Гиль, вы правы. Тут силой мы ничего не сделали бы. Очевидно, мы уцелели только благодаря тому, что не сопротивлялись».

Путники отправились в Сокольничевский совет, здание которого стояло тут же рядом, позвонить в Кремль. Часовой не пустил их, потребовав пропуск. Ленин назвал себя и объяснил, что пропуска у него нет, потому что его ограбили. Часовой продолжал сомневаться. Наконец, Гиль показал свои документы, и по ним всю компанию пропустили в здание. В Совете никого не было. В коммутаторной разбудили сонного телефониста, позвонили в Кремль, ВЧК. За ними прислали машину.

Ленин приказал разыскать украденный автомобиль. Дороги из города были завалены снегом, а в Москве большую машину где-то было скрыть. В ЧК и уголовном розыске все было поставлено на ноги, и в ту же ночь машина была найдена. Возле машины лежали убитые милиционер и красноармеец. Налетчики скрылись, но в эту ночь было схвачено много преступников.

Весной 1919 года делегация донских казаков приехала в Москву на прием к М. И. Калинину, ставшему после смерти Свердлова

председателем ВЦИК, Калинин сказал им, что «Ильич очень интересуется положением на Дону» и приглашает их на завтра, в 3 часа. В приемной Ленина его секретарь Лидия Фотијева предупредила их, «что Владимир Ильич не спит уже несколько ночей и просила допросы излагать короче». В три часа их пригласили в кабинет Ленина. Делегаты были взволнованы, но Ленин быстро рассеял их стеснительность простотой обращения. Он стал задавать вопросы: обеспечены ли семьи красноармейцев семенами, как относится казачество к сельскохозяйственным артелям и коммунам, как казачество идет в ряды Красной Армии и т. п. Ответы казаков не сохранились, но о них можно догадываться. Аудиенцию часто прерывали телефонные звонки с фронтов, с фабрик, со всех концов страны. После каждого звонка Ленин с улыбкой возвращался к прерванному разговору с казаками. Они, как многие другие, прибыли в Москву чтобы получить в различных комиссариатах вооружение, транспорт и т. д. Ленин выслушал их нужды и, прощаясь, сказал: «Идите и стучите. Где вам не отворят — звоните мне». У него было чуткое ухо.

В «Правде» за 15 февраля 1919 года был напечатан ответ Ленина на запрос крестьянина, помещенный в «Известиях ЦИК» от 2 февраля. Крестьянин-красноармеец г. Гулов ставил вопрос об отношении правительства к середнякам и рассказывал «про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз на счет середняка-крестьянина».

Троцкий уже дал ответ на это письмо в «Известиях» от 7 февраля, назвав слухи о разногласиях «бессовестной ложью, распространяемой помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками». Ленин, со своей стороны, «целиком подтверждал заявление тов. Троцкого»: «Никаких разногласий у нас с ним не имеется, и относительно крестьян-середняков нет разногласий не только у нас с Троцким, но и вообще в коммунистической партии, в которую мы оба входим. Товарищ Троцкий в своем письме подробно и ясно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким». Но, зная, что было на уме у крестьян — и у бедняков, и у середняков, и у кулаков, Ленин добавил: «Свободная торговля хлебом, это значит свобода наживаться для богатых свобода умирать для бедных... Власть капиталистов, “свобода торговли” не возвратится. Социализм победит».

(Статья Ленина появилась в 36 томе 4-го издания его «Сочинений», вышедшем в Москве в 1957 году. Редакция не сочла возможным исключить ее из издания, но снабдила ее примечанием: «Л. Д. Троцкий — злейший враг ленинизма... После победы Октябрьской социалистической революции Троцкий некоторое время формально соглашался с политикой партии по крестьянскому вопросу».)

Ленин все-таки сомневался в лояльности крестьянства и 30 апреля 1919 года попросил Зиновьева подобрать «300–600 питерских рабочих, с серьезнейшими рекомендациями от партии и от профессиональных союзов, для рассылки по 1, по 2 в уисполкомы всей России... Без группы таких абсолютно надежнейших и опытных питерских рабочих нам с деревней не добиться крупного улучшения».

Блистательный Петроград, «Северная Пальмира», был погружен во тьму. Царили голод и холод. Культ рабочих и крестьян послужил политической почвой для одичания. Максим Горький, житель бывшей столицы, ворчал: «В 19 году, в Петербурге был съезд “деревенской бедноты”. Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи».

Как общественный деятель, Горький был в это время, вероятно, популярнее Ленина. Он был известен интеллигенции и многим рабочим и крестьянам, независимо от того, читали они его произведения или нет. В отличие от Ленина, пришедшего в революцию из дворян, Горький был человеком из народа и служил народу по-своему. Ленин питал к Горькому особое уважение и обычно принимал его дома. Если же Горький должен был посетить его в Совнарком, то Ленин приходил в свой кабинет раньше обычного и напоминал секретарю: «Не забыли ли сказать в будку у кремлевских ворот, не задержат ли там Горького?» Через полчасы он звонил из кабинета: послали ли за Горьким машину. Обычно Горькому не приходилось ждать в приемной, Ленин принимал его без очереди. Секретарь Ленина вспоминает: «В часы, когда у Владимира Ильича сидел Горький, на нашу долю выпадало много работы». Горький приносил ходатайства об арестованных ученых, писателях, художниках. Классовая дискриминация

огорчала Горького: официальное солнце сияло только для рабочих и крестьян, интеллигенция оставалась в тени. Горький «приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис», писал Ленин 7 июля 1919 года Крупской, находившейся на борту волжского агитпарохода «Красная звезда». Ленин пытался уговорить Горького присоединиться к волжской агитгруппе: это было бы большой политической победой. В конце письма Ленин прибавил: «Митя (т. е. его брат Дмитрий) уехал в Киев: Крым, кажись, опять у белых. Мы живем по-старому: отдыхаем на “нашей” даче по воскресеньям. Троцкий поправился, уехал на юг, надеюсь подтянет. От замены главнокомандующего Вацетиса Каменевым (с Востфронта) я жду улучшения... Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще. Твой В. Ульянов. NB. Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь *вполне* работоспособна».

На другой день Ленин телеграфировал Крупской: «...Сегодня видел Горького, убеждал его поехать на вашем пароходе... но Горький категорически отказался». Слово «категорически» показывает, что Горький не отговаривался работой или состоянием здоровья. Он просто не хотел присоединиться к агитпароходу и отождествить себя с советским режимом. Он не был антисоветски настроен, но ограничение свободы и преследование интеллигенции мучило его. В Петрограде оно чувствовалось всего сильнее. Петроград был окном в Европу, европейским городом, а Москва — всего лишь непомерно разросшейся деревней. Окно затуманилось политической изморозью. Флюгер показывал на восток: ветер дул из Азии. Отчасти в плохой погоде была повинна вражда западных держав. Но в этом было мало утешения. Интеллигенцию возмущал холодный ветер, дувший из московского Кремля. Возмущал он и Горького. Чистокровный великоросс, он вкусил запада и чувствовал нужду в нем.

Горький вернулся в Петроград, но Ленин не сдавался. Он снова написал Горькому 19 июля 1919 года, уговаривая его приехать в правительственный дом отдыха под Москвой, в Горках: «Я на два дня часто уезжаю в деревню, где великолепно могу Вас устроить и на короткое и на более долгое время. Приезжайте, право! Телеграфируйте, *когда*, мы Вам устроим купе, чтобы удобнее доехать. Немножечко переменить воздух, ей-ей, Вам надо. Жду ответа! Ваш Ленин».

Горький отказался, дав волю накопившейся в нем горечи. Ленин ответил 31 июля длинным письмом, пожалуй, самым длинным его письмом за всю гражданскую войну. В письме чувствовался сдерживаемый гнев. «Дорогой Алексей Максимыч! — начиналось

оно. — Чем больше я вчитываюсь в Ваше письмо, чем больше думаю о связи его выводов с изложенным в нем (и рассказанным Вами при наших свиданиях), тем больше прихожу к убеждению, что и письмо это, и выводы Ваши, и все Ваши впечатления совсем большие. Питер — один из наиболее больших пунктов за последнее время... голод тяжелый, военная опасность тоже. Нервы у Вас явно не выдерживают. Это не удивительно. А Вы упрямитесь, когда Вам говорят, что надо переменить место, ибо дать себе истрепать нервы до большого состояния совсем неразумно...

Начинаете Вы с дизентерии и холеры; и сразу какое-то большое озлобление: «братство, равенство». Бессознательно, а выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват — в нужде, нищете и болезнях осажденного города!!

Дальше какие-то мне непонятные озлобленные остроты против «заборной» литературы (какой? почему связанной с Калининим?). И вывод будто «ничтожные остатки разумных рабочих» говорят, что их «предали» «в плен мужику».

В письме Горького, доказывал Ленин, речь шла «об остатках аристократии». «Их настроение на Вас болезненно влияет, — писал Ленин. — Вы пишете, что видите “людей самых разнообразных слоев”. Одно дело — видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение». В силу своей профессии, намекал Ленин, Горький вынужден принимать «десятки озлобленных буржуазных интеллигентов». Горький писал Ленину, что «остатки» «питают к Советской власти нечто близкое симпатии», а большинство рабочих «поставляет «воров, примазавшихся коммунистов и пр.». «И Вы договариваетесь до вывода, — замечает Ленин, — что революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции».

«Это — сплошь больная психика, — утверждал Ленин. — Все делается, чтобы привлечь интеллигенцию (небелогвардейскую) на борьбу с ворами... В Питере «видеть» этого нельзя, ибо Питер город с исключительно большим числом потерявшей место (и голову) буржуазной публики (и «интеллигенции»), но для всей России это бесспорный факт. В Питере или из Питера убедиться в этом можно только при исключительной *политической* осведомленности, при специально большом политическом опыте. Этого у Вас нет. И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением *работы* политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся...

Если *наблюдать*, надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции (скуку

которой Горький так хорошо знал. — Л. Ф.) или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать...

Вы поставили себя в положение, в котором непосредственно наблюдать нового в жизни рабочих и крестьян, т. е. $\frac{9}{10}$ населения России Вы не можете». (В ряде других высказываний Ленин славил Петроград как пример пролетарского города, а Горький, самый наблюдательный художник России, уже видел крестьян на съезде в Зимнем...) «Советы уехать Вы упорно отвергаете. Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам. Вы пишете, не только тяжело, но и “весьма противно”!!! Еще бы!» Горький, по словам Ленина, приковал себя к «больной» интеллигенции Петрограда. «Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете*... Страна живет лихорадкой борьбы против буржуазии всего мира... Жизнь опротивела, “углубляется расхождение с коммунизмом”. В чем расхождение, понять невозможно. Ни тени указаний на расхождение в политике или в идеях нет».

В заключение письма Ленина снова посоветовал «радикально изменить обстановку, и среду, и местожительство, и занятие, иначе опротиветь может жизнь окончательно.

Крепко жму руку. Ваш Ленин».

Некоторые из «остатков аристократии», за которых заступался Горький, были аристократами духа, кисти или пера. Среди них был великий князь Николай Михайлович, историк, желавший удалиться в Финляндию, чтобы посвятить себя литературному труду. Горький ходатайствовал перед Лениным о разрешении на выезд и получил от него особое письмо к петроградским властям. Но вернувшись в Петроград, Горький узнал о казни великого князя. По словам Бориса Николаевского, видного меньшевистского писателя, Горький, находясь в Берлине в 1922–1923 гг., высказывал подозрение, что Ленин лично, или кто-нибудь из его приближенных, отдал приказ о казни великого князя в то самое время, когда ходатайство Горького было формально удовлетворено Лениным. Это подозрение подтверждается телеграммой, воспроизведенной в 21 томе «Ленинского сборника» (с. 279), в которой Ленин приказывал Зиновьеву задержать отъезд Николая Михайловича.

Но ничто не могло нарушить связь между Лениным и Горьким. Обращаясь к Ленину, как к последней инстанции, Горький спас жизнь многим писателям, художникам и ученым. А Ленину Горький был нужен как знаменитый во всей России писатель, вышедший из народа, писавший о народе и для народа. Разве

Горький не связал себя с коммунистической партией? Отчуждение его могло повредить престижу советской власти. Ленин и Горький продолжали встречаться в Москве: Горький привозил свой список допущенных несправедливостей, Ленин пытался «наставить его на путь истинный». Воспоминания Горького о Ленине, написанные после смерти вождя, настоящий гимн в его честь. Но позиция Горького оставалась неизменной: он мягко, но упорно оказывал давление на вождя большевиков, отстаивая принципы свободы. «Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не в праве сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

— Какою мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

Я очень часто одолевал его просьбами разного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал: — Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?

Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов пролетариата не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головою и говорил:

— Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— Гм-гм, — скептически ворчал Ленин и указывал мне на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу. — Между нами, — говорил он, — ведь многие изменяют, предаются не только из трусости, но из самолюбия, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная

теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент».

Однажды Горький спросил: «Кажется мне это, или вы действительно жалуете людей?»

«Умных — жалею, — ответил Ленин. — Умников у нас мало. Мы народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума». Умственная лень — частое последствие политической тирании. Запреты, накладываемые на выражение мысли, редко способствуют мышлению.

«Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаея Добровейна, сказал:

— Ничего не знаю лучше *Appassionata*, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди.

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по голоскам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!»

Ленин был многосторонней личностью, ряд аспектов которой не сразу бросаются в глаза. Но замечание, сделанное им на этом музыкальном вечере, проливает свет на некоторые из них. Самой адской трудностью взятой им на себя работы была необходимость подавить в себе человечность и воспитать способность «бить по головкам». Он надел ежовые рукавицы, чтобы скрыть мягкость своей руки, и вытравил последние остатки мягкости из своего характера, чтобы она не могла помешать исполнению долга. Чтобы ограничить других, он ограничил самого себя. Он продал душу своему идолу — революции — и целиком повиновался ее жестокому диктату. Никакие элизийские сонаты не должны были напоминать ему о красоте жизни. Музыка действовала ему на нервы, потому что он вынужден был бороться с собой, чтобы не слышать, что она говорила ему. Он был на войне, на службе у ее величества Победы, и прислушивался только к звуку боевой трубы. Он не пил и не курил. Борьба была его пищей, труд — его наркотиком. Но спал он плохо. Горький назвал Ленина «рулевым столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия». Этот корабль тянул его ко дну.

<...>